КАК ЖИТЬ, КОГДА «ВСЁ НА ТЕБЕ»

САМАНТА ВИЛЬЯР
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С САРОЙ БРУН

ДЕЛИМ ГРУЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ

ОЛИМП-БИЗНЕС

Предисловие к русскому изданию vii

ЧАСТЬ I. ЖЕНЩИНА ПОД ГРУЗОМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 1

1. ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ 3

2. ЧТО ТАКОЕ ГРУЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ? 15

3. МОНИКА 25

4. ДОМАШНИЕ ДЕЛА: ТО, ЧЕГО НИКТО НЕ ЗАМЕЧАЕТ 49

5. ПОЧЕМУ МЫ НЕ УЗНАЁМ НАШИХ ПАРТНЕРОВ, КОГДА ПОЯВЛЯЮТСЯ ДЕТИ? 57

6. «СЕЙЧАС МУЖЧИНЫ ПОМОГАЮТ!» 61

7. ЧАЩЕ ВСЕГО ОНИ ЗАНИМАЮТСЯ ТОЙ РАБОТОЙ, КОТОРАЯ ИМ НРАВИТСЯ ИЛИ ПОДНИМАЕТ ТОНУС 67

8. ПОГОВОРИМ О ЦИФРАХ С «КЛУБОМ ПЛОХИХ МАТЕРЕЙ» 73

9. ОСОЗНАЮТ ЛИ ОНИ ГРУЗ НАШЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ? 83

10. НЕВИДИМОСТЬ ЖЕНЩИНЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ ИСТОРИИ. ДОМРАБОТНИЦА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ 87

ЧАСТЬ II. ОБРАТНАЯ СТОРОНА ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 95

11. ПОЯВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ В ДОМЕ 97

12. ПАУЛА 109

13. УСТУПАТЬ ИЛИ НЕ УСТУПАТЬ? 117

14. МАРТА 127

15. ОБРАТНАЯ СТОРОНА ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 143

16. ДОМ УБРАН, НО КАКОЙ ЦЕНОЙ? 149

17. НЕХВАТКА ДОСУГА 157

18. ОБЩЕНИЕ: НЕТ НИЧЕГО ВАЖНЕЕ 163

19. ЧТО ОСТАЕТСЯ НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ 167

20. ПОВЕРЬ, ДЕТИ СПОСОБНЫ СДЕЛАТЬ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЫ ОТ НИХ ТРЕБУЕШЬ 173

ЧАСТЬ III. ПОСЛЕДСТВИЯ ГРУЗА ОТВЕТСТВЕННОСТИ 183

21. «И ТУТ Я СЛОМАЛАСЬ ПОД ГРУЗОМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ» 185

22. «Я ОБЯЗАНА ПРИСУТСТВОВАТЬ В ЖИЗНИ МОИХ ДЕТЕЙ» 197

23. «НАЖАТЬ НА ТОРМОЗ» 205

24. ВИНА 211

25. Я НЕ ВИЖУСЬ С ПОДРУГАМИ, ПОТОМУ ЧТО... 217

ЧАСТЬ IV. ОТ СОВМЕЩЕНИЯ РАБОТЫ И ДОМА К ОБЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 223

26. МАРИЯ 225

27. СОВМЕЩЕНИЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ 237

28. ОТ СОВМЕЩЕНИЯ РАБОТЫ И ДОМА К ОБЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 247

29. ЗАКЛЮЧЕНИЕ 263

Благодарности 271

Об авторах 272

ГЛАВА I
ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ

ГЛАВА I.
ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ

В первый год после рождения детей я не работала. Нужно было придумать новый телевизионный формат и договориться с каналом, для чего требовалось несколько месяцев. Вот я и просидела год с детьми. Вернувшись к обычной жизни, я обнаружила, что на работе, как это ни парадоксально, я отдыхаю. Впрочем, если приходилось перерабатывать и подолгу не видеть детей, я начинала грустить и испытывать чувство вины. Всё в моей жизни выглядело теперь иначе. Утром 11 октября 2017 года я была в Малаге. Вечером предстояло снимать новый сюжет, но утро выдалось относительно спокойным. Однако вот уже несколько дней, а может и месяцев, меня тяготила мысль, грозившая разрушить всю мою профессиональную деятельность. Я ломала голову, как довести до сведения руководства канала, что больше не могу свободно разъезжать туда-сюда, как раньше.

Изначально задуматься об этом меня побуждали две причины. Во-первых, дети; во-вторых, возраст: я родилась в 1975 году и чувствовала, что жизнь на чемоданах, в беспрерывных командировках, подходит к логическому концу.

Разумеется, появление детей ускорило решение, которое рано или поздно пришлось бы

принять в любом случае. Я хотела растить своих детей так, как мне казалось правильным: по крайней мере, именно так растили меня, — а это в первую очередь означало проводить с ними каждый день как можно больше времени. Такой образ жизни несовместим с командировками, а они в моей работе были постоянно. Десять лет подряд в моей маленькой комнате постоянно стоял наготове открытый чемодан, в котором лежали все необходимые вещи, — чтобы в любой момент выскочить из дома. Чемодан не убирался, поскольку в течение десяти лет я буквально нигде не жила дольше недели. Работа моя состояла в беспрерывных поездках; да и личная жизнь, в чужом городе и вдали от родительского дома, вынуждала постоянно перемещаться.

Когда я стала матерью, даже сама по себе логистика, которую приходилось разрабатывать всякий раз, когда я собиралась исчезнуть из дома на несколько дней кряду, — напомню, что у меня близнецы, а это в разы усложняет дело, — вызывала у меня колоссальное напряжение. Больше всего убивала мысль, что я не могу находиться с семьей в самые важные моменты. Например, когда у детей проходил первый в их жизни Хеллоуин.

Сами они наверняка даже не вспомнят этот день. Им было меньше года, и приближался Хеллоуин. Но я-то точно не забуду, что не находилась рядом. Муж прислал фото наряженных детей, я получила сообщение как раз в разгар съемок. Вспоминая тот день, я вновь чувствую отчаяние, охватившее меня из-за того, что я не увижу своих детей в их первых карнавальных костюмах.

И вот несколько месяцев спустя, в Малаге, я всё-таки поговорила с Мари Анжельс, исполнительным директором и моей хорошей подругой, и поделилась с ней своими переживаниями. Мы подписали контракт на восемь программ и, если они пройдут успешно и наберут достаточно просмотров, собирались договориться еще о четырех, не прекращая съемок. Но в то утро я решила отказаться от последних четырех программ, а заодно и от приличного гонорара; к тому же меня угнетали мысли о моей команде, которая останется не у дел, пока мы не подготовим новую программу.

— Пора придумать новый формат, — сказала я Мари. — Прежде всего такой, чтобы не нужно было много ездить. А еще я хотела бы перевести весь продакшн и постпродакшн в Барселону, где теперь мой дом.

До сих пор часть программы делалась в Мадриде, а я проводила слишком много времени в поездах, курсируя между Мадридом и Барселоной. Я предложила напарнице переговорить с руководством канала: у них было достаточно времени, чтобы обдумать мою идею и всё подготовить не спеша. Тогда я не предполагала, что это произойдет гораздо быстрее, чем мы рассчитывали.

Через два часа муж позвонил и сказал, что сына экстренно увезли в больницу и сейчас он в операционной. Практически с самого рождения сын раз в месяц заболевал. Его мучили приступы рвоты, продолжавшиеся по нескольку часов. Мы тщательно соблюдали режим питания: вдруг всё дело в непереносимости какой-либо пищи? Давали ему то одни,

то другие виды продуктов, наблюдая за реакцией. Эти эксперименты ничего серьезного не выявили. Врачи также не видели в состоянии сына особой угрозы здоровью. Когда накануне я собиралась в Малагу, ребенка стошнило. Я была уверена, что всё обойдется без последствий, и не стала отменять поездку. С сыном остается муж, и на следующий день мальчик наверняка почувствует себя лучше. Но случилось иначе. Этот кризис оказался гораздо тяжелее предыдущих: ребенок не удерживал даже воду. Через некоторое время рвота приобрела темно-зеленый оттенок, и муж забил тревогу.

Когда он сообщил, что мальчик в операционной, я пришла в ужас. Не могла даже говорить и только рыдала.

— Что с ним, что с ним? — спрашивала я мужа, не находя себе места от беспокойства.
— Не переживай. Всё нормально, просто врач подозревает, что у него что-то не так в пищеварительном тракте, и надо посмотреть, что там такое. Но ты, пожалуйста, не переживай, — успокаивал он меня. — И, кстати, не могла бы ты приехать в Барселону?

Разумеется, я немедленно собрала чемодан. Телепортацию еще не изобрели, и десять часов, которые я провела в дороге, были самыми кошмарными в моей жизни. Первым делом я позвонила на работу сообщить, что срочно уезжаю. Мари Анжельс пыталась меня немного успокоить, но всё было напрасно; она подняла на ноги всю нашу съемочную группу, чтобы решить, как мне поскорее добраться

до Барселоны. Как назло, были выходные, октябрьские праздники[a], в Малаге — разгар лета, все билеты раскуплены. Рассчитывая выиграть время, я помчалась в аэропорт. Самолет улетал через полтора часа, свободных мест не нашлось, но я лелеяла отчаянную надежду, что, может быть, как-то удастся попасть на него. Следующий рейс — во второй половине дня, слишком поздно.

Я примчалась в аэропорт с чемоданом, в солнцезащитных очках, слезы лились не переставая. Поскольку ребенок находился в операционной, не имело смысла названивать ежесекундно, новостей всё равно пока не было. Моя задача — достать билет любым способом, чтобы оказаться в Барселоне как можно раньше. Я металась вдоль касс от окошка к окошку, разыскивая кого-нибудь, кто мог бы помочь. Потом оказалось, что есть ещё и другие кассы. В итоге я обежала восемь разных мест. Я была в отчаянии, но внешне при этом выглядела вполне адекватно. Говорила тихо и спокойно. «Видите ли, — объясняла я упавшим голосом, — мой сын в операционной. Я должна улететь как можно скорее. Пожалуйста, помогите». Персонал авиакомпании смотрел на меня с сочувствием. Все меня жалели — а как иначе? — но помочь ничем не могли. Они не имели права продать мне билет на улетавший через час самолет, несмотря на то что десять пассажиров не явились на рейс и их места свободны. Продать билеты не позволяла электронная система, это было противозаконно, и женщина за стойкой, которая мне всё объясняла, чувствовала неловкость за подобную несуразность.

[a] 12 октября празднуется День Испании (Fiesta Nacional de España) в честь открытия Америки Христофором Колумбом, которое состоялось 12 октября 1492 г.; выходной день. — *Примеч. лит. ред.*

Когда я наконец поняла, что не полечу из-за какой-то операционной системы, то выбежала из аэропорта, взяла такси и помчалась на вокзал. В итоге я потеряла два часа, и экспресс Мадрид — Барселона тронулся ровно в тот миг, когда я подлетела к кассам. Единственный выход, который у меня оставался, — дождаться следующего экспресса; он уходил в три часа дня и прибывал в Барселону в девять вечера. Было полтретьего. Мой сын находился в операционной с часу дня. Но и на следующий экспресс билетов не оказалось. Я плакала, объясняла все подробности моей ситуации, умоляла о помощи администратора. К счастью, он меня пожалел и, рискуя служебным положением, сказал: «Ладно, так и быть. Свободных мест нет, но мы найдем, куда тебя посадить». Наконец-то я в поезде! Кажется, в какой-то момент у меня отказали предохранители. Я была в таком отчаянии, что даже не страдала. Это было состояние глубочайшего стресса. По идее, я должна была находиться при сыне еще накануне, утешать по дороге в больницу, ждать окончания операции, держать за руку, пока он отходит от наркоза. Но всё было упущено: я сидела в поезде, и, хотя он несся на всех парах, я окажусь в Барселоне не раньше девяти вечера этого бесконечного дня. Поддерживала меня мысль о том, что я наконец-то в дороге, а также бесчисленные сообщения мужа: мальчик в порядке, и всё идет по плану.

Как только поезд прибыл в Барселону, я поймала такси и помчалась в больницу. Вбежала в палату прямо с чемоданом в руках. Ребенок спал. Из его тела торчали какие-то трубки. Одна — желудочный

зонд, другая — мочевой катетер, третья — капельница, через которую ему вливали антибиотики и обезболивающие. Если учесть, что сыну было всего двадцать месяцев от роду, вся эта атрибутика впечатляла. Я с трудом подавила желание зарыдать: понимала, что в этой ситуации должна быть сильной. К счастью, мальчик спал спокойно, и лицо его было безмятежно. Помню, на меня накинули симпатичный халатик какой-то детской расцветки. Я хорошо запомнила эту мелочь, халатик казался единственным спасением среди страдания и ужаса.

Чуть позже, когда я уже могла всё выслушать спокойно, муж рассказал мне о том, что они пережили. Они с сыном прибыли в отделение неотложной помощи в этот же день утром. Увидев рвоту, доктор немедленно направила их в больницу Сан-Жоан-де-Деу; она сразу поняла, что необходима операция.

К счастью, всё прошло успешно: ситуация развивалась по удачному сценарию. Сын провел в больнице всего неделю. За это время мой прагматизм и вера в испанское здравоохранение сыграли мне на руку. Если врачи говорят, что всё в порядке, значит, так оно и есть.

Много времени спустя, прокручивая в памяти события того ужасного дня, я вспомнила разговор, который в то же утро состоялся у нас с Мари. Мы обсуждали, как изменить формат программы и тем самым избавить меня от постоянных командировок. Мы ломали голову, как разработать такую стратегию, чтобы канал не пострадал и не понес убытков. Но ничего придумать не могли. Я просто позвонила руководству и сказала: «Всё, хватит.

Я должна быть с ребенком, и точка». Ситуация, произошедшая с моим сыном, стала достаточно убедительным аргументом в пользу окончательного решения. Смена формата программы произошла не мгновенно, но со временем он всё-таки изменился. Потребовались серьезный мозговой штурм и многочисленные заседания, чтобы все участники — канал, продюсер и я сама — договорились о том, как действовать дальше, чтобы стиль нашей общей работы соответствовал моему образу жизни: то есть я меньше ездила, а продакшн переместился в Барселону. Я придумала формат, который давал мне возможность не оставлять детей надолго. В итоге всё сложилось так, как мы и запланировали, хотя, признаться, я готова была совсем отказаться от работы на телевидении, если бы она по-прежнему требовала командировок.

Большинство людей, вынужденных принимать подобные решения, — женщины.

Не знаю, какая женщина может себе позволить столь радикальные меры, учитывая всё еще существующий «стеклянный потолок»[a]. Скорее всего, никакая, причем во многих испанских семьях в ходу одна и та же формула: мужчина работает полный рабочий день, а женщина — только половину (иначе говоря, сокращенный день), чтобы параллельно заниматься детьми. Это воспринимается совершенно нормально, потому что до сих пор бытует стереотип (хоть и в более мягком варианте): цель жизни мужчины — работа, а женщины — дом.

Однако следует иметь в виду, что дом и забота о нем — тоже постоянный труд, пусть и не

[a] «Стеклянный потолок» — это невидимый и формально никак не обозначенный барьер («потолок» в карьере), который ограничивает продвижение женщин по карьерной лестнице по причинам, не связанным с их профессиональными качествами. — *Примеч. лит. ред.*

столь очевидный. Речь идет не только о закладке вещей в стиральную машину и беготне по магазинам, но и о продумывании всей необходимой инфраструктуры, чтобы семья нормально функционировала. Эта чрезвычайно утомительная обязанность в большинстве случаев ложится на женские плечи. «Отдых от забот», который нам предоставляет дом, — не бесплатное удовольствие, он требует постоянной работы над тем, чтобы дети ели, ходили в школу в чистой одежде, посещали кружки, в случае необходимости бывали у врача, делали уроки, жили в опрятной квартире и прочая, и прочая. Ежедневные мысли о доме — это и есть *ответственность*, которая главным образом предполагает, что вы всегда должны иметь в распоряжении всё необходимое, всё контролировать и вовремя организовывать, а не только заниматься собственно хозяйством. Груз этой самой ответственности возникает не оттого, что домашних забот чересчур много, а потому, что отвечает за всё один человек. Его мозг постоянно сосредоточен на том, как бы не забыть о чем-то важном, как всё спланировать, распределить и обеспечить, — от этих мыслей невозможно отвлечься ни на минуту. Подобная ответственность ни в коем случае не должна ложиться на плечи только одного члена семьи.

ГЛАВА 2

ЧТО ТАКОЕ ГРУЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?

ГЛАВА 2. ЧТО ТАКОЕ ГРУЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?

Истощением страдает гораздо больше женщин, чем может показаться на первый взгляд. Мы часто игнорируем свои чувства, тревоги и придумываем мысленные уловки. Зачем просить кого-то помочь с детьми, если у меня на это уходит меньше времени? Имею ли я право жаловаться на то, как тяжело нести ответственность за весь дом, если моя мама в такой же ситуации никогда не жаловалась? Неужели я не в состоянии самостоятельно справиться с работой, школой и домом? И всё же — что представляет собой «груз ответственности»? Данному понятию художница Эмма Клит посвятила комикс под заголовком «Могла бы и попросить»[a]. Груз ответственности — это планирование, координация и принятие решений во всем, что касается домашнего хозяйства и семейной жизни. Проще говоря — когда «всё на тебе»; когда осознаёшь, что именно ты, в конце концов, за всё в ответе; когда твой мозг постоянно занят тем, чтобы удержать под контролем массу вещей: предвидеть и организовать обычные дела, связанные с домом и семьей, включая и различного рода форс-мажорные обстоятельства. Иначе говоря,

a https://english.emmaclit.com/2017/05/20/you-shouldve-asked/— *Примеч. лит. ред.*